

Государственное учреждение образования
«Средняя школа № 9 г. Жлобина»

Акция «Имя на обелиске»,
посвященная Году малой Родины

«ПРАВЕДНИКИ МИРА» - ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Выполнили:

Учащиеся 9 «А» класса

Руководители:

Классный руководитель Бондарчик М.М.

Педагог социальный Агаронова Г.Р.

Государственное учреждение образования «Средняя школа № 9 г. Жлобина»

«ПРАВЕДНИКИ МИРА» - ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Выполнили:

Учащиеся 9 «А» класса

Руководители:

Классный руководитель Бондарчик М.М.

Педагог социальный Агаронова Г.Р.

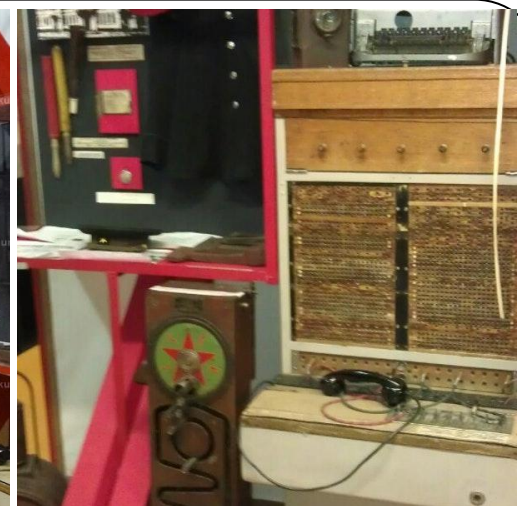

Акция «Имя на обелиске»,
посвященная Году малой Родины

«ПРАВЕДНИКИ МИРА» -
ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Знакомясь с историей родного края, учащиеся 9 «А» класса посетили Жлобинский государственный историко-краеведческий музей. Из экскурсии узнали историю о том, что в родном городе есть забытые могилы Праведников мира.

Кто же они такие, Праведники мира? Простые жители — которые спасали евреев во время холокоста в Белоруссии, рискуя при этом собственной жизнью. Это звание присвоено им израильским институтом «Адва-Шем».

Мы заинтересовались этим вопросом и решили отыскать их могилы. Историческую справку и сопутствующие документы нам подготовили директор музея Шрейтер Нина Захаровна и ее заместитель Крамаренко Нина Анатольевна. Обсудив с классом план работы поиска мест захоронений, мы начали поисково-исследовательскую деятельность.

Во время поисково-исследовательской деятельности в школьной библиотеке была организована встреча с малолетним узником, писателем Пархоменко Геннадием Герасимовичем, автором документально-художественного собрания «О Жлобинщине, земляках и не только...». В его книгу вошли документальные факты спасения еврейского мальчика в годы Великой Отечественной войны на Жлобинской земле и описаны в рассказе «Люди и судьбы» (неизвестные страницы войны).

Великой Победе!

*Геннадь
Пархоменко*

О Жлобине, земляках и не только...

Человек-легенда № 189495В. Освобдил Бухенвальд-Дахау. Один из немногих, кому удалось там выжить...
С. 81

Он штурмовал форсбургер Гитлера, его дважды представляли к званию Героя Советского Союза, но...
С. 33

Его везли на расстрел. Очитанные минуты оставались до кровавой расправы...
С. 40

Спас только случай от расстрела:
Чужая мать его пригрела...
Приемной стала и родной,
Все беды заслонив собой.
Он дом построил, сыновей взрастил,
Деревья тоже посадил.
Программу Жизни выполнил давно,
А в праздник пьет свое вино...
Всегда он выручит, подскажет,
Плохого слова никогда не скажет,
Таков Маковский – друг, сосед.
Лучше друзей у меня нет!
2007 г.

* * *

Люди и судьбы

(Неизвестные страницы войны)

Оккупированный Жлобин. Осень 1942 года. Его уже везли на расстрел. Считанные минуты оставались до кровавой расправы... Но Судьба распорядилась иначе – сначала колонну автомашин со смертниками с гетто остановил железнодорожный переезд, затем простая белорусская женщина-жлобинчанка спасла еврейского малыша от верной смерти.

А на северной окраине города, в противотанковом рву были расстреляны все, кого туда везли – женщины, старики, дети, его мама, два братика 10 и 6 лет и сестричка 4-х лет от роду.

Через годы мужественной женщине, спасшей жизнь еврейского ребенка в годы войны, за ее подвиг с риском для собственной жизни, присвоено международное Почетное звание «Праведник народов Мира».

Она единственная в нашем городе, кто имеет такое Благородное и Почетное звание – единственная, но Безвестная...

Вы не найдёте ее имени среди почетных граждан нашего города, не отыщите ее имя в нашем музее, не найдёте его и в библиотеках города, а вот если кому из вас повезет быть в святом городе Иерусалиме, то там на стене-памятнике «Праведники народов Мира» вы и сможете отыскать имя этой замечательной и бесстрашной женщины из Жлобина, золотом выгравированное среди имен Праведников.

Поэтому я считаю своим долгом перед людьми и Богом раскрыть ещё одну неизвестную страницу из истории суровых и трагичных дней Великой Отечественной войны, рассказать о спасённом ребенке и его спасительнице, ставшей «Праведницей народов Мира».

Сразу оговорюсь, что тот, о ком я сейчас расскажу, не герой, не воевал, не совершал никаких подвигов, и во всём – простой, обыкновенный человек. Но он – человек необычной Судьбы и необычного Времени, дитя войны, познавший страх и ужасы немецкой оккупации. Его судьбе не позавидует никто.

Ни на минуту не сомневаюсь, что в городе не найдётся больше человека, который бы имел две фамилии, два отчества и, если хотите, даже две национальности, и всё это совершенно законно. Правда, имеет он ещё и статус малолетнего узника гетто и даже почетные медали, которыми удостоили и узников войны.

Итак, **Маковский Борис Григорьевич**, родился незадолго до войны в простой еврейской семье Глаговских. Он был четвертым, самым младшим, в семье ребенком.

Когда ему исполнился только годик, Жлобин уже был оккупирован немцами, а отец, офицер милиции, погиб, защищая родной город. В сентябре 1941 года оккупанты, обтянув колючей проволокой бывший военный городок в двухэтажной казармой, организовали там гетто. Вот сюда оккупанты согнали евреев со всего города, в том числе и семью Глаговских.

Узники гетто выполняли самые разные работы: заготавливали дрова, чистили станцию от снега, убирали нечистоты, работали по погрузке и разгрузке вагонов. Узники еврейского гетто жили в тяжелых условиях — в почти неотапливаемом помещении сырых мрачных казарм, на скудном нищенском пайке, в антисанитарных условиях, в полумраке вонючих котилок, заедаемые вшами и клопами, и в жутком соседстве с крысами. Больные и ослабленные умирали прямо здесь, на нарах...

На работы гоняли и возили почти каждый день, часто без выходных, с раннего утра и до позднего вечера. С осени 1942 года фашисты начали свою кровавую акцию – уничтожение еврейского населения. Для этого не использовался огромный противотанковый ров на северной окраине города в районе Лебедевки.

Очередная колонна тяжелых грузовых автомашин с обреченными на жизнь узниками гетто двигалась уже в сторону Лебедевки. Неожиданно у железнодорожного переезда колонну остановил чистейшей воды Случай: должен был проследовать поезд и шлагбаум перекрыл машинам путь. Охранники вылезли из смрадных кузовов машин подышать свежим воздухом в ожидании прохода поезда.

В одной из машин с ребенком на руках и держащимися за ее одежду ещё тремя детьми сидела безутешная заплаканная мать. Рядом с машиной на

обочине стояли женщины, старики, дети близлежащих улиц, пришедшие провести обреченных в их последний путь. Они вытирали влажные от слёз глаза. Все знали, куда их везут и что с ними будет. Исхудавший мальчик, обхватив шею матери руками, безучастно смотрел на плачущих на обочине женщин, и в его больших печальных глазах выражались боль и горе, предчувствие чего-то страшного...

В тот момент, когда по переезду загромыхал поезд, а это был очередной немецкий воинский эшелон, направлявшийся на фронт, охранники на время отвлеклись проходящим поездом. Этим моментом и воспользовалась мать с ребенком, быстро наклонившись через борт машины и со слезами на впавших глазах обратилась к стоявшим женщинам:

– Нас везут расстреливать! Спасите ребенка!.. Одна из женщин подбежала, взяла малыша на руки, прижала его к груди и незамеченной юркнула от машины подальше...

Колонна тем временем продолжила свой страшный путь и вскоре пальба за городом дала понять, что нет уже больше у этого черноглазого ребенка не только отца, но и матери, братишек и сестрёнки. Погибли и все родственники, и все те, кого везли туда в этот кровавый день.

Очевидцы рассказывали, что ещё несколько дней после расстрела шевелилась земля над погребенными жертвами в том жутком рву.

✓ А на тихой приднепровской улице Карпиловской в доме **Тины Васильевны Маковской**, так звали смелую женщину, появился черноголовый малыш, которого назвали Борисом. Это был худенький, измождённый постоянным недоеданием, с осунувшимся личиком, чумазый, давно не знавший бани ребенок, который напоминал маленький живой скелет – кожа да кости. Спасительница отмыла его и стала отпаивать козьем молоком, благо козы были свои. И вскоре выходила. Он стал резвым, смышленным мальчишкой, который быстро воспринял, что он Борис, и с первых дней благодарно стал звать Тину Васильевну благородным именем – Мама!.. Конечно, сама же она, рисковавшая при его спасении, приютившая еврейского ребенка, отлично осознавала, что ей грозит за сокрытие еврея, пусть даже малолетнего. Об этом угрожающе предупреждали листки с приказом коменданта города, расклеенные на каждом углу.

Но мужественная женщина не побоялась этого, а тем более, что она повседневно рисковала своей жизнью ещё и потому, что была связана с партизанами, являясь связной партизанского отряда, выполняя многие ответственные и рискованные поручения и задания из леса.

Она была «глазами и ушами» партизан в городе и постоянно подвергала себя опасности быть выслеженной или схваченной по доносу. И тем не менее... В доме в углу около печки была сделана, как говорят белорусы, «схованка». Для этой цели использовали старую бочку с выпиленным в ней сбоку лазом а сверху дно бочки было присыпано слоем зерна (якобы в ней хранится зерно). Внутри бочки на всякий случай стоял маленький стульчик с горшком под ним. Вот сюда в минуты любой опасности, если кто-то посторонний стучал в дом, мигом забивался шустрый малыш и сидел там, иногда, если нужно было, то довольно долго, порой даже засыпал в своем убежище. Засыпал до тех пор, пока не следовала команда: «Боря, вылезь!»

Вот некоторые говорят, что события, которые были у ребенка в 2–3 годика, он не может помнить. Согласен, если это была простая обычная жизнь, где один день похож на другой, как две капли воды. Но если была война, и часто возникали экстремальные ситуации и жизненные опасности, то это запоминается на всю жизнь и эпизоды этой жизни помнятся очень ярко:

– Мне было строго-настрого приказано, – вспоминает Борис Григорьевич, – если я играю на улице или во дворе и кто-нибудь идет или стучит в калитку, стремглав в дом и в «схованку».

И вот однажды я заигрался на улице возле дома в куче песка: строил там дворцы какие-то, оторвал немного взгляд от песка и... вижу: рядом со мной стоят два огромных сапога!

– Поднимаю голову – немец!.. Смотрит на моё занятие и улыбается.

Хотел вскочить и бежать, но он придержал меня, погладил по стриженной голове и дал... конфетку.

Я бегом в дом: «Мама, мама! А немец мне конфету дал!»

Она быстро вышла, глянула вслед уходящему.

– Тебе повезло, это не немец, это Игорь Головацкий, тут недалеко на квартире живет, он в комендатуре переводчиком работает...

Конечно, он не мог не догадаться, кем был этот чернявый, с перепуганными глазами ребенок, и всё же... Особо следует заметить, что этот же переводчик сделал ещё один благородный поступок. Он спас от верной смерти жлобинских ассирийцев, схваченных фашистами, сумев доказать коменданту города, что они не евреи. Это были семьи Канович, Юнано-вых, Ишу...

Многих из тех, тогда спасенных, уже нет в живых, но есть и живые свидетели тех страшных дней. Это те, кого мы зовем «дети войны». Они помнят...

Дважды рожденный и связная

«Когда я слышу запах кофе, то всегда невольно вспоминаю, – рассказывает Борис Григорьевич, – как тогда, в те далёкие годы однажды к нам в дом поселили трёх пожилых немцев-солдат, рабочих по обслуживанию моста через Днепр. Нашим рабочим такой объект, как мост, конечно же, не доверяли.

И прятаться все время уже не было никакой возможности. И моя Мама, Тина Васильевна, представила им меня как mein Kind (мой ребенок), и они приняли меня, как обычное хозяйское дитя, хотя, может, и сомневались где-то.

И я не раз сидел у них на коленях, угощали меня частенько конфетами, а особенно запомнился мне запах кофе в маленькой чашечке, которым меня тогда угощали. Этот факт говорит о том, что война есть война и что в годы Великой Отечественной встречались разные люди, носившие форму солдат гитлеровского рейха.

Одни – это ярые нацисты, уничтожавшие евреев, расстреливавшие и сжигавшие живьём целые сёла мирных жителей, издевавшиеся над узниками концлагерей и гетто. И другие – люди в этой же форме, но с иным отношением к мирному населению. Не только с уважительным, но и с дружеским, как в примере с переводчиком Игорем Головацким в отношении к еврейскому ребенку и в случае, где он непосредственно спас ассирийцев Жлобина от казни.

Так и в этом случае, где простые немцы-солдаты, мостовые рабочие, дружески, можно сказать, даже по-отечески, относились к ребенку со стороны тех, против кого воевала гитлеровская Германия. Дни проходили за днями. Хороших немцев через некоторое время куда-то переселили. Но с ними или без них жизнь проходила в постоянном страхе, что будешь схвачен когда-нибудь полицией или «плохими» немцами. Меня часто представляли, чтобы я не терял бдительности, и поэтому мне частенько приходилось отсиживаться в своей бочке-схованке».

Линия фронта уже снова приближалась к Жлобину, но уже только с другой стороны, со стороны Гомеля. Партизаны все больше досаждали немецким оккупантам диверсиями на железной дороге, станции и депо, корректировали бомбовые удары нашей авиации по железнодорожному узлу, городу и мосту. Связной партизанского отряда Маковской всё чаще приходилось уходить из дома на некоторое время для передачи разведанных данных по городу и узлу руководству отряда. В конце 1943 года она с важными сведениями снова ушла на очередную связь.

Немцы что-то пронюхали, или может быть кто-то сделал донос на ее связь с лесом, и они устроили в ее доме засаду, чтобы схватить по возвращении. Но просчитались... Свои люди сумели предупредить Тину об опасности, и домой она не пошла, вернулась в лес.

Мать отважной партизанки – Александра Ивановна, постоянно опекавшая малыша во время отсутствия дочери, сумела незаметно выпроводить его из дома к надёжным соседям. А затем и сама выскользнула из дома и, прихватив Бориса, бежала в деревню к родственникам. Оттуда их забрала Тина Васильевна и отвела к партизанам в лес. Здесь они все вместе и встретили освобождение.

Их тоже спасла Она

Следует заметить, что еврейский мальчик, спасённый и выхоженный простой женщиной-жлобинчанкой в те страшные годы немецкой оккупации, был не единственным спасённым ею. Она приютила и некоторое время прятала в сарае сбежавшую из гетто 16-летнюю еврейскую девушку Олю Соркину, родителей которой также расстреляли немцы. А затем сама отвела ее в партизанский отряд, где она влилась в ряды народных мстителей и с оружием в руках сражалась против гитлеровцев.

После того, как фашисты, уничтожив всех евреев, принялись расстреливать детей, у которых один из родителей был еврей, она смогла спасти жизнь ещё одного малыша, переправив к партизанам обратившуюся к ней за помощью жлобинчанку Горевую Надежду Филипповну с малолетним сыном Валерием, глава семьи которых был евреем и воевал в это время на фронте.

Так простая мужественная женщина, наша землячка, Тина Васильевна Маковская в суровые дни Великой Отечественной войны смогла спасти от верной смерти три человеческие жизни.

А ещё старожилы рассказывают и такой достоверный факт из неизвестных страниц войны и оккупации нашего города. Когда немцы принялись за уничтожение детей из смешанных семей, то одна молодая красивая мать, белоруска-жлобинчанка, муж которой тоже был евреем и в это время воевал, спасла своего ребенка, перешагнув через себя, приняв предложение нацистского офицера: за сохранность жизни ее малыша стать его любовницей. Сумев таким образом спасти жизнь своего дитяти, она затем смогла выбраться с ним из города в деревню и уйти в партизаны.

Вернувшийся после войны домой муж этой женщины принял ее без малейшей тени упрёка и неприязни и, более того, боготворил ее всю жизнь за самопожертвование во имя спасения его сына, который, кстати, впоследствии стал большим человеком.

А спасенный еврейский мальчик, оставшийся круглым сиротой, выхуженный и возвращенный простой смелой женщиной, был официально усыновлен Тиной Васильевной и получил фамилию своей спасительницы – Маковский и отчество ее погибшего на войне мужа Григория – Григорьевич.

Всю свою последующую жизнь они прожили вместе – Тина Васильевна и ее приемный сын Борис Григорьевич, прожили в теплой материнской и сыновней любви друг к другу, дружбе и взаимопонимании.

«Праведник Мира» Тина Васильевна Маковская

О том, что наш город имеет человека, который носит благородное и почётное звание «Праведник народов Мира», к сожалению, никто не знает. Я лично знал и очень хорошо помню эту скромную, простую женщину и считаю, что не имею права не рассказать широкому кругу читателей о ней. Город должен знать и чтить своих героев, а тем более, что это очень редкие люди. А в Жлобине это почетное звание Праведника имеет она одна единственная.

Так кто же такие Праведники? Слово «праведник» дословно означает: человек, соблюдающий религиозные правила жизни. Но после Второй мировой войны это слово получило ещё одно значение. Праведниками стали называть тех, кто в годы войны, рискуя своей жизнью и жизнью своих родных, спасал евреев от верной гибели.

Присвоением звания «Праведник народов Мира» занимается специальный институт государства Израиль в святом городе Иерусалиме, увековечивая память благородных представителей разных национальностей, протянувших руку помощи и спасавших евреев от кровавой расправы нацистов.

Значимость и благородство этого звания подтверждается и тем, что это звание присваивается не только непосредственно лицу, ставшему Праведником, но и его матери, воспитавшей такого человека.

Ни в одном звании в мире нет таких почестей матери человека, получившего его. И это ещё не всё...

Вручается оригинальная памятная медаль с выгравированными именами Праведников, и их имена выбиваются золотом на Стене Памяти Праведников в Иерусалиме и вручается почетный диплом.

Так вот наша мужественная землячка, участница Великой Отечественной войны, имеющая боевые награды, бывшая связная партизанского отряда Тина Васильевна Маковская, спасшая в годы войны жизнь трех еврейских детей, удостоена чести, к сожалению, посмертно, называться «Праведником народов Мира»!

Дополнило из наградного листа: «В знак глубочайшей признательности за помощь, оказанную еврейскому народу в годы Второй мировой войны, – Маковской Тине Васильевне и ее матери Ревяковой Александре, Жлобин, Беларусь – присвоено почётное звание «Праведники Мира». Именная медаль и диплом на имена спасителей высланы на адрес посольства государства Израиль в Беларуси. Имена Праведников будут выгравированы на Стене Почёта в Иерусалиме». Интересные и оригинальные слова начертаны на медали: «Спасший одну жизнь – спасает весь мир». И с этим нельзя не согласиться.

В Израиле испытывают к этим людям особую признательность. Нельзя забывать, что эти люди, именуемые Праведниками, не только спасали определенные человеческие жизни: своими героическими поступками они прославляли свой народ, в то время, когда другие выбирали, совершенно другую позицию – отстранённости, безучастности, равнодушия, а то и предательства. Праведники народов мира сохранили высочайшее человеческое достоинство, за что им должен быть благодарен, пожалуй, каждый из нас.

Справедливости ради, следует заметить, что Жлобинская земля имеет еще одного Праведника народов Мира. Ею является **Мария Ивановна Поболовец** из деревни Щедрин Жлобинского района, спасшая в годы войны еврейского мальчика, которому удалось бежать с места массового расстрела еврейского населения деревни Щедрин.

В списках Почётных граждан города пока ещё нет женщин. Считаю, уверен и надеюсь, что меня поддержат многие, и особенно женщины, что Тина Васильевна Маковская, единственный Праведник в нашем городе, мужественная связная партизанского отряда, спасшая трех еврейских детей от расстрела, не раз рисквавшая своей жизнью, достойна стать первой Почетной из них.

Человек, рисквавший своей жизнью ради спасения другого, тем более даже троих, не должен быть предан забвению, как это было до появления моего материала о ней. Героизм и высокое проявление человечности таких людей, как Тина Васильевна Маковская, требует Уважения и Чести!.. Это нужно не столько даже нам, сколько грядущим поколениям.

Маковская Тина Васильевна
(Ревякова – девичья)

С началом войны 1941 г. и приближением фронта по приказу РККП(б) в городе были оставлены связные и подпольщики. Так моя прабабушка Тина Васильевна стала одной из первых связных. Она была их глазами и ушами в городе. Осенью 1942 г. фашисты начали акцию по уничтожению еврейского населения. Их везли из Гетто п. Стрешин и других деревень района. Расстрел производили возле деревни Лебедевка в противотанковом рву, сейчас там находится памятник.

Очередная колонна грузовиков с обреченными на смерть евреями двигалась в сторону деревни Лебедевка. Возле дороги, по пути следования, стояли люди, которые провожали их своими слезами в последний путь. Среди них стояла и моя прабабушка. Когда колонна остановилась в связи с переходом воинского эшелона, охрана на время отвлеклась. В это время в грузовике сидела многодетная мать, которая крикнула «Люди, спасите сына!». К машине подбежала женщина и взяла малолетнего ребенка – это была моя прабабушка. Так малолетний Борис, имя которое дала ему его спасительница, стал жить по улице Карпиловская вместе с ней.

В апреле 1943 г. перед Пасхой, прабабушка освежила кабанчика, напекла пирогов и выгнала самогон для передачи в партизанский отряд «Железняк». Но прибежала связная и сообщила, что ее предали и за ней на телеге едут полицаи. Быстро взяв Бориса, вылезла через окно в огород, в дверь уже стучали. Полицаи обыскав дом и огород никого не нашли, но при наличии такого количества продуктов приняли решение о засаде.

Прибыв в партизанский отряд, Тина Васильевна рассказала о случившемся, получила Карабин и приступила к партизанской жизни. Она выполняла задания по разведке, участвовала в боевых операциях, работала в партизанском госпитале, занималась разоблачением предателей.

После освобождения Жлобина, вернулась на улицу Карпиловская и стала жить мирной жизнью, воспитывая еврейского мальчишку.

За партизанскую деятельность была награждена медалью Партизан Отечественной войны 1 степени.

За спасение еврейского мальчика 11 июня 1996 г. комиссия представила ее к награде и присвоила международное, почетное звание «Праведница народов мира»

Её имя выгравировано на стене почета в «Саду правды» в Яд Вашеле, Иерусалиме.

Так же ее имя запечатлено в таких книгах как «Память» и «Жлобин»(1975 г.)

Правнучка Маргарита Мехова
ученица СОШ 10, 10 класс

Борис Григорьевич Маковская

ТРАГИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА

Израиль СЛАВИН,
Петях-Тиква

Передо мной лежат три школьные тетрадки. В них - списки евреев, загубленных в гетто в годы фашистской оккупации по трем населенным пунктам Гомельской области (Беларусь): городу Жлобину и двум местечкам Жлобинского района - Стрешину и Щедрину.

Передал их мне жлобинчанин, бывший фронтник, инвалид войны Борис Хаймович Гельфанд. Несколько лет составлял он эти списки, опрашивая родных и близких погибших, а также местных жителей. Конечно, спустя десятилетия это оказалось очень трудным делом. Поэтому в записях много пробелов: отсутствуют некоторые имена, годы рождения, не говоря уже о тех, которых все позабыли или помнили лишь по прозвищу или по профессии. Такие в списки не вошли, взрослые и тем более дети в лучшем случае упомянуты количественно. Например, "Шер Фейга Мордуховна и 4 детей", "Рабкина Дора Еселевна и 3 детей", "Кануткина и 4 детей" и т.д.

Списки начали составляться в конце 80-х, в разгар перестройки. Почему так поздно? Увы, раньше заниматься такими опросами категорически запрещалось. Сразу после войны, когда уцелевшие жлобинчане стали возвращаться в разрушенный город, была попытка восстановления печальной истории Жлобинского гетто, но райком партии строго приказал немедленно "закрыть эту тему". В то время наблюдалось необыкновенное единодушие "партии и народа" в проведении антисемитской

историю родной школы. Была содрана Книга памяти. В нее вписали имена учащихся, погибших на войне. Но так как эта школа до 1937 г. была еврейской, среди погибших оказалось много еврейских парней. Их имена и краткие сведения о них заняли всю стену школьного коридора на втором этаже. Обнаружив эту "преступную вылазку сионистов", вышестоящие товарищи распорядились "срочно очистить помещение от нежелательных элементов".

Такая антисемитская политика продолжалась и в дальнейшем. Когда в 1963 г. жлобинчане собрали деньги и на месте гибели узников гетто, под Лебедевкой, решили поставить памятник, это им было запрещено. Обратились за помощью к автору книги про героев обороны Брестской крепости Сергею Смирнову и только после его вмешательства памятник установили, причем, сверх ожидания, открытие его было проведено торжественно и массово. Приехали жлобинчане со всех концов страны. С трибуны прозвучало много речей, но ни в одной из них слово "еврей" не было упомянуто, а только "мирные граждане, павшие от рук фашистских убийц". Правда, была проявлена "еврейская хитрость": к памятнику прикрепили две таблички - на русском и еврейском языках, чтоб было понятно о ком речь, но не дремлющее государево око сурово насыпилось, и через несколько дней табличка на идиш была густо замазана крепким цементом.

Но вот наступило время "гласности". Увы, слишком поздно. Как ни старался Борис Гельфанд восстановить списки погибших, они оказались с огромными пробелами

подковными копытами, высекавшими искры из булыжной мостовой. Не меньше в Жлобине было кузнецов, они работали в большой кузнечной артели. Были и частные кузнецы. Почти рядом с нашим домом, на берегу ручья Чернушка, стояла кузница Палая Копула. И его тоже убили с тремя маленькими детьми.

В переданных мне тетрадях - длинный перечень еврейских фамилий: Айзенштаты, Альшуллеры, Бассы, Бейлины, Берковичи, Бизовы, Булкины, Вакслеры, Вольфсоны, Герчиковы, Гельфанды, Гринберги, Меламеды, Окунь, Палеи, Рабкины, Рохлины, Рутманы, Симановские, Фрадники, Френкели, Хайкины, Шандаловы, Шеры, Шехтманы, Эпштейны и др. Очень много Зеликманов - 72, но больше всего Гореликов - 86. Есть более редкие фамилии: Кугель, Биркан, Голубов, Езерский, Зорхин, Лицкий, Мороз, Стамблер, Шадур, Брук, Верткин. Редчайшая фамилия - Эль. Людей с такой фамилией записано 11 человек.

Все эти фамилии, собранные вместе в алфавитном порядке, вдруг поражают своей значительностью и скрытым за ними великим трагизмом.

А что мы о них знаем? Только то, что лежат они, невинно убиенные, в жлобинской земле, их три тысячи восемьсот, а по спискам всего 1336, или чуть менее 40 процентов. Вот почему в "Яд ва-Шеме" из 6 миллионов загубленных душ поименована только половина. И собрать сведения на остальных, перечислить их пофамильно вряд ли удастся.

Самый неполный список - по городу Жлобину, 26 процентов от количества убитых: 442 фамилии и 106 лет безымянных, а всего

Рудня, Казимирово. А может быть, их убивали на месте? Отводили на пустыри, опушки лесов, в овраги, и неизвестные их могилы повсюду. Кто знает, ведь свидетелей не осталось...

Евреев Жлобина и Стрешина расстреливали два дня подряд - 11 и 12 апреля 1942 года. Их везли из гетто, размещенного в двух местах города - в казармах военного городка по ул. Товарной и в бараках птицекомбината. Возили в открытых машинах, на виду у всего города, с утра до вечера. На тротуарах стояли люди, наблюдая, кто со страхом, а кто с тайной радостью, как их земляков, соседей везут на казнь. Моя тетя Фрада Соркина помахала рукой на прощанье нашему общему знакомому, который потом об этом мне рассказал. Рядом с тетей сидела моя двоюродная сестра Роза, семнадцатилетняя красавица, а ее родной брат Илья в это время уже четыре месяца лежал в братской могиле, убитый в боях под Москвой.

Возле Лебедевки, где были вырыты две большие ямы, их выгружали из машин, отводили от шоссе вправо, по мокрому полю, по весенней грязи, метров четыреста, обессиленных от болезни и голода, под охраной эсэсовских ублюдков и собак, ставили у края огни и поражали смертельным огнем стариков и старух, женщин и детей, еще совсем маленьких, не понимающих ничего, а также мальчиков и девочек, уже ясно осознававших весь ужас происходившего.

В списках очень мало мужчин призывного возраста, от 18 до 35 лет, например по городу Жлобину всего лишь 20 (5 проц.) Остальных успел призвать военкомат, а

информации горсовета убито под Лебедевкой 2500 человек. Но эта цифра вызывает большие сомнения.

Известно, что до войны по переписи населения на 1 января 1939 г. евреев в Жлобине было около 7 тысяч человек. После войны вернулась приблизительно одна тысяча, не более 500 остались там, где они проживали во время эвакуации. Какова же судьба 5500 человек? В это число входят и расстрелянные оккупантами, и убитые на фронте, и умершие в гетто до массовых расстрелов, и те, кому удалось вырваться из города накануне захвата его немцами, а потом погибнуть на фронтовых дорогах... Никак не вписывается в эти данные число 2500.

И вот тут возникает более реальная цифра (кстати, многие считают ее наиболее достоверной): 11 и 12 апреля 1942 года было казнено не 2500, а более 4000 евреев Жлобина. Таков печальный вывод из приведенных вычислений. После уничтожения Жлобинского гетто в живых осталось четыре человека. Первая: Палей Бася Евсеевна, 1906 года рождения. В дни расстрела она оказалась в деревне, куда тайком отправилась на поиски продуктов для семьи, а когда вернулась, то узнала, что ее муж и трое детей убиты. Вторая: Соркина Элька Борисовна, 1925 года рождения. Ее везли к месту казни, и она на повороте глухой улицы выпрыгнула из машины, скрылась и добралась до партизан. Третий. Фамилия его остается пока неизвестной. Это 14-летний юноша. За секунду до залпа он свалился в яму, притворился мертвым (уже приближался вечер). На него падали трупы. Когда расстрел кончился, а яму не зарыли, юноша выполз. Дальнейшей судьбы его не знаю. Есть сведения, что в настоящее время он находится в Израиле. (И я очень надеюсь, что с помощью читате-

попытки. Люди боялись всего — жаловаться на жизненные трудности, возмущаться головоутием начальников, любить произведение Ахматовой и Зощенко, рассказывать политические анекдоты, и тем не менее, откровенно фашистские выражения звучали открыто и повсеместно: от почти безобидных "распяли", "не воевали" до кровавых "жаль, что вас Гитлер не всех перестрелял!" На заборах часто появлялись грубейшие антисемитские надписи. Моему отцу строго запретили "переписываться с Америкой" со своей родной сестрой, старушкой, вдовой, далекой от политики, одиноко жившей в маленькой квартире в Нью-Йорке. И отец вынужден был, затравив глубокую боль и обиду, подчиниться.

Сила власти была страшной и беспощадной. В провинции "героев сопротивления" не было, да и в Москве они редко осмеливались открывать рты.

В печати и по радио ругали только высокопоставленных евреев — космополитов, однако самые простые, рядовые евреи Жлобина втыгивали головы в плечи и пугливо оглядывались.

Не только составлялись списки, даже вслух вспоминать о жертвах геноцида боялись. И основания для страха были...

После войны, еще в полуразрушенном Жлобине, старики собрали деньги, отрывая по рублю от скудного семейного бюджета, и построили синагогу — небольшой деревянный дом, но после "новоселья" — первой вечерней молитвы, — дом реквизируют с последующим серьезным внушением и предостережением всем, кто был причастен к столь "возмутительной" антигосударственной акции". (По иронии судьбы в этом "оскверненном" доме вскоре разместили райком комсомола.)

Вот еще пример. В средней школе № 5, довоенной еврейской, кто-то из учителей решил восстановить

количество убитых: 442 фамилии и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

Фашистские изверги боролись за "чистоту расы" с особой жестокостью, преступая все человеческие законы. Каким бы жутким был мир, если бы им удалось осуществить до конца свою кровавую идею и осталось бы на земле только эта вонючая "чистокровная мразь"? Они убивали и явных, и всех подозреваемых в еврействе.

В тетрадах — несколько матерей с детьми от смешанных браков, отцы их ушли на фронт, а их убили: Калиновская-Песина Соня Янкевна, 1904 г.р. и трое детей; Малашкова-Элькина Рая Залмановна, 1919 г.р. и один ребенок; Рудницкая-Шапиро Бася Хаимовна, 1915 г.р. и двое детей; Макей-Нехамкина Сарра Исааковна и дети — Владимир 7 лет и Тамара — 6 лет, а с ними убит вместе и их отец — Макей Николай Осипович, 1908 г.р., его не взяли в армию по какой-то причине, он избежал фронта, чтобы принять мученическую смерть со своими близкими, хотя имел возможность уйти из гетто...

Убили также двух братьев Бабицких и их сестренку, евреев в третьем поколении, у них уже него не осталось от еврейства, ничего типичного во внешности, и разговаривали они как все местные белорусы, без малейшего акцента. Но их тоже казнили недолго во имя "очищения человечества".

Еще до массовых расстрелов на глазах у матери Ходоренко Л.П. (по национальности белоруски) убили двух ее малолетних детей лишь за то, что их отец Клебанов был еврей и в это время воевал против немцев.

Вероятно, в ямах возле деревни Лебедевка погребены евреи из окрестных сел — Красной Берег, Пиревичи, Доброгоща, Старая

и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

Вероятно, в ямах возле деревни Лебедевка погребены евреи из окрестных сел — Красной Берег, Пиревичи, Доброгоща, Старая

и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

Вероятно, в ямах возле деревни Лебедевка погребены евреи из окрестных сел — Красной Берег, Пиревичи, Доброгоща, Старая

и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

Вероятно, в ямах возле деревни Лебедевка погребены евреи из окрестных сел — Красной Берег, Пиревичи, Доброгоща, Старая

и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

Вероятно, в ямах возле деревни Лебедевка погребены евреи из окрестных сел — Красной Берег, Пиревичи, Доброгоща, Старая

и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

Вероятно, в ямах возле деревни Лебедевка погребены евреи из окрестных сел — Красной Берег, Пиревичи, Доброгоща, Старая

и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

Вероятно, в ямах возле деревни Лебедевка погребены евреи из окрестных сел — Красной Берег, Пиревичи, Доброгоща, Старая

и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

Вероятно, в ямах возле деревни Лебедевка погребены евреи из окрестных сел — Красной Берег, Пиревичи, Доброгоща, Старая

и 106 детей безымянных, а всего 548. Стрешинских евреев погибло около 300, а в списках — 90, из них детей до 10 лет — 4, хотя наверняка их было гораздо больше.

Изучив литературные источники и архивные документы, мы установили имя еврейского мальчика спасенного белорусскими женщинами в годы Великой Отечественной войны, им стал Маковский Борис Григорьевич. При встрече он рассказал нам историю его спасения, помог в поиске могилы Ревяковой Александры Ивановны.

Могилу Ревяковой А.И. мы отыскали на кладбище по улице Советской. Могилу второй Праведницы мира Маковской Тины Васильевны найти не удалось.

Ревякова Александра Ивановна

1880-1947 гг.

Праведница мира

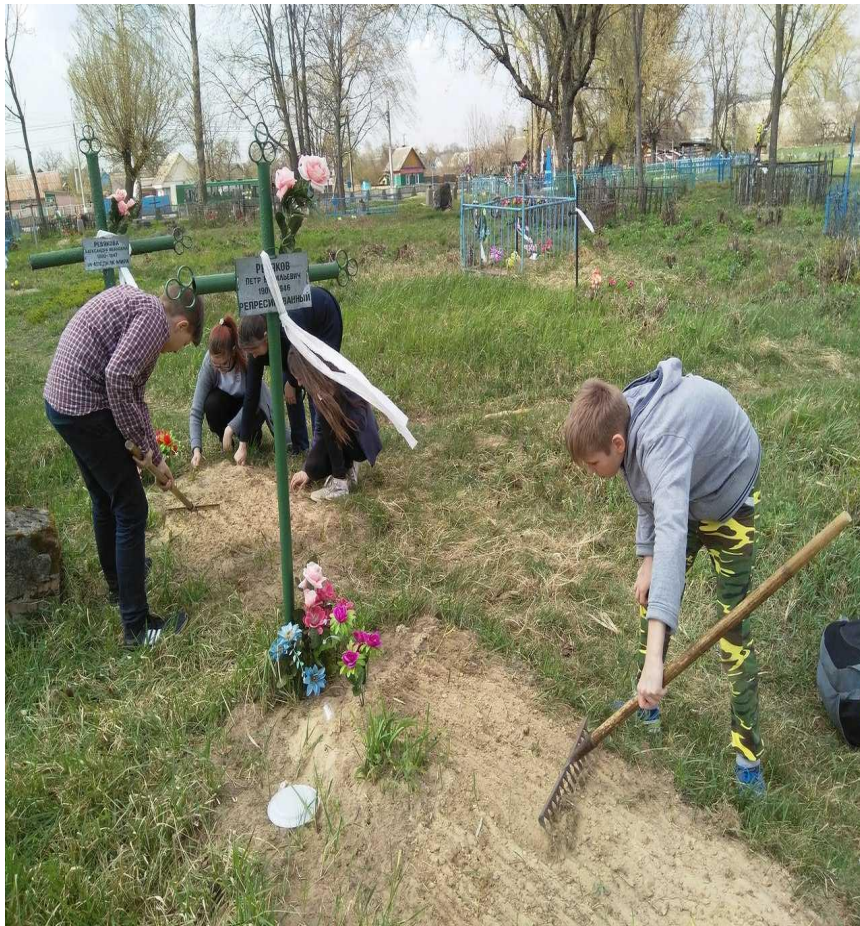
В музее нам предоставили копию сертификата, который подтверждает, что на заседании по установлению правды 11 июня 1996 года, основанной «Яд Вашем», героев холокоста и памяти мучеников, на основе доказательств представленных ранее, решено почтить Тину Маковскую и её мать Александру Ревякову, которые в период холокоста в Европе, рискуя своей жизнью, спасли преследуемых евреев.

Комиссия их представила к награде. Их имена всегда будут выгравированы на стене почета в «саду правды» в Яд Вашеле, Иерусалиме.

Во время субботника волонтерский отряд «Милосердие» под руководством педагога социального Агароновой Гульнары Расуловны провели трудовой десант по наведению порядка на могиле Ревяковой Александры Ивановны.

Помогли в благоустройстве могилы и родители, они оказали помощь по перевозке и укладке плитки на могиле.

